

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Вселенной никогда не быть прежней

БЛУДНЫЙ СЫН,

ИЛИ ОЙКУМЕНА:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
Книга III. СЫН ВЕТРА

Генри Лайон Олди

**Блудный сын, или
Ойкумена: двадцать лет
спустя**

Сын Ветра

Отщепенец, беглец, Сын Ветра — Натху Сандерсон сумел обмануть высоколобых экспертов и матёрых офицеров разведки. Феномен укрылся в феномене, дитя раздора — в Саркофаге, неприступном бастионе прошлых времён. Три могучие цивилизации — аскеты-брамайны, волки Великой Помпилии и просвещённый Ларгитас — сбили ноги в поисках. Союзники и враги, они ищут сразу всё: чудо-мальчика, козлов отпущения, малейший повод для войны. Свободную Ойкумену и тюрьму-Саркофаг роднит главное: где бы ты ни был, твоя жизнь не стоит и выеденного яйца.

«Блудный сын» — пятый роман эпопеи «Ойкумена», давно заслужившей интерес и любовь читателей. «Космическая симфония» была написана Г. Л. Олди десять лет назад, а в «одной далекой галактике» год идет за два — не зря у нового романа есть подзаголовок «Ойкумена: двадцать лет спустя».

Что дальше? Вселенной никогда не быть прежней.

Содержание

Пролог

Часть первая Три планеты, не считая четвертой

Глава первая Со всем подобающим почтением, или С мёртвых спрос невелик

I. Чайтра

II. Саркофаг

III. Ларгитас

IV. Саркофаг

Контрапункт Вернутся не все, или браво, маэстро!

Глава вторая Два раза под ноги слонам, или Вы пойдёте со мной

I. Чайтра

II. Саркофаг

III. Ларгитас

IV. Саркофаг (Двадцать лет отчаяния).

Контрапункт Трусый цвета хаки, или Семейные, в горошек

Глава третья Чрезвычайная ситуация, или

Нарушитель будет казнён

I. Чайтра

II. Саркофаг

(Двадцать лет отчаяния: продолжение).

III. Ларгитас

IV. Саркофаг

Контрапункт Не мешай мне жить, или Три раза Да

Часть вторая Раб саркофага

Глава четвертая Амулет власти, или Хочу-хочу.

I. Чайтра

II. Саркофаг

III. Ларгитас

IV. Саркофаг

Контрапункт Труппа из одной куклы, или Кое-что о бомбах

Глава пятая Найдите моего мальчика, или Это вариант

I. Чайтра

II. Саркофаг

III. Ларгитас

IV. Саркофаг

Контрапункт Реквием по маэстро, или Они сидели на краю

Глава шестая Детская площадка и бассейн, или Трупы на улицах

I. Чайтра

II. Саркофаг

III. Ларгитас

IV. Саркофаг

Контрапункт Жизнь и смерть, или На золотом крыльце сидели

Часть третья Вопросы жизни и смерти

Глава седьмая Иди к хозяину, джинн, или Скажешь правду, дам машинку.

I. Чайтра

II. Саркофаг

III. Ларгитас

IV. Саркофаг

Контрапункт Черные тюльпаны, или Драка на проводах

Глава восьмая Таких, как я, топчут слонами, или Вы спаслись?

I. Чайтра

II. Саркофаг

III. Ларгитас

IV. Саркофаг

Контрапункт Дорогие друзья, или Мы так не договаривались

Глава девятая Вальс на троих, или Я быстро расту.

I. Ларгитас

II. Саркофаг

III. Ларгитас

IV. Саркофаг

V. Ларгитас — Помпилия — Чайтра

VI. Саркофаг

Контрапункт Орёл и решка, или Я хочу его видеть

Контрапункт (сложный) С тобой пойду, или Не

может такого быть

Эпилог

Пролог

- В каком состоянии находилось ваше тело до вашего рождения?
- Вещество, из которого я теперь состою, было рассеяно в воздухе, воде, и почве.
- Значит, до рождения вы были мертвы?
- По всей вероятности.
- Но раз вы были мертвы, а теперь ожили, то стало быть, вы воскресли из мёртвых?
- Выходит, что так. Все окружающие нас люди суть воскресшие из мёртвых.
- Как вы думаете, можете ли вы снова ожить после смерти?
- В той же точно форме это невозможно. Но в другой форме весьма естественно.
- Но ведь это произойдёт через миллионы лет!
- Не беда! Времени в природе сколько угодно. Чувствовать и сознавать время вы не будете: миллионы лет пройдут, как одно мгновение, и вам покажется, что после смерти вы немедленно родились.

Константин Челковцев, «Грезы о земле и небе»

- Детка, чего ты ломаешься?
- И правда, подумал Боров. Чего она ломается?
- Еще рыбы?
- Да, — согласилась Мирра.
- Её действительно звали Миррой. И фамилия похожая: Шухайни. Она даже паспорт показала: всё сошлось. Паспорт мог оказаться подделкой, на Тилоне подделывали всё, включая генный код, но Боров чуял: сегодня ему повезёт. Вчера он этого не чуял, и правда — молодая брамайни Мирра Чакраварти оказалась внутриутробным транссексуалом Миррином Чакравартином. Напившись, Миррин разоткровенничался, и Боров постарался распрощаться с ним как можно быстрее. Для цели, которую ставил перед собой старший механик Вандерхузен,

транссексуал не подходил. Даже готовый на все — нет, не подходил.

Завтра утром «Вкусняшка» стартовала на Шадруван. Надо было спешить.

— Вот, смотри: сет на двоих. Барабулька, цаца, сардины...

— Сам ешь свою барабульку! Мне лосося со спаржей в грейпфрутовом соусе. И устрицы «Белый жемчуг»...

Зараза, вздохнул Боров. Вслух, разумеется, он ничего не сказал, боясь спугнуть удачу.

— Официант!

Серокожий тилонец возник у столика: сама услужливость.

— Лосося даме! Со спаржей. И устриц...

— Что будете пить? К лосося я бы порекомендовал розовое игристое. Оно придаст рыбе элегантности...

— Фрак надень! — не сдержался Боров. — На лосося.

— Простите, зачем?

— Для элегантности. Мне барабульку с цацей.

— Целый сет? На одного?!

— Ты меня видишь?

— Вижу, сэ. Вы правы. Записываю: на одного.

— И ячменной водки!

— У вас отличный вкус, сэ.

— Ты лапочка, — фыркнула Мирра, когда официант сгинул. — Ночью храпишь?

— Нет.

— Ты дважды лапочка, ларгí. Так на чём мы остановились?

На лососе, чуть не брякнул Боров. Ресторан «Мама Акула» был ему не по карману. Чтобы сводить сюда Мирру, старший механик Вандерхузен занял сперва у Глиста, а потом, скачав в вирте меню с ценами и картинками, у всей бригады механиков. Ему занимали с радостью. Во-первых, он всегда возвращал долги, а во-вторых, это было меньше, чем члены экипажа

«Вкусняшки» могли расплатиться с Боровом за спасение своих драгоценных задниц. Капитан вернул ему приставку «старший», что означало повышение жалованья, вернул отдельную каюту — черт возьми, капитан бы тоже занял герою денег, рискни Боров обратиться к капитану с такой просьбой.

— Мы грузимся осьминогами, — напомнил Боров, ковыряя салат. Зелень он ненавидел. — Каракатицами, гребешками, всякими гадами. Завтра старт. Я беру тебя на борт.

— Где я прячусь? — деловито поинтересовалась Мирра.

Вопрос выдавал большой опыт. А аппетит, с которым молодая брамайни прикончила свой салат и отобрала у Борова его остатки — большой голод. Похоже, с физическими страданиями в жизни Мирры царил полный ажур, а значит, и с накопленной энергией. Поначалу Боров пригласил девушку в «Бычка-чувачка», кушать говяжьи стейки — и выслушал целую лекцию на тему страданий. Если верить Мирре, грязным пожирателям коров светили безрадостные перспективы: и при жизни, и после. «Само имя коровы указывает, что ее нельзя убивать. Как же назвать того, кто способен ее убить? Бесспорно, тот, кто убивает корову или быка, совершает отвратительное злодеяние!..»

К убийству лосося девушка отнеслась с пониманием. К убийству спаржи — тоже.

— Всё официально, чин чинарем. Прятаться не придётся.

— Врёшь!

— Честное слово, с гарантиями.

— Ты не пожалеешь, ларги! Я толкачиха с большим ресурсом.

И Мирра, на миг оторвавшись от еды, со значением колыхнула грудью. Да, согласился Боров. Ресурс

исключительный, спору нет.

— Спишь ты у меня, — развивал идею Боров. — Это не обсуждается.

— Сколько человек в каюте?

— Я один. С тобой — двое.

— Врёшь!

Реакция брамайни не отличалась разнообразием.

— Говори сразу: сколько? Если больше трех, я пас.

— Двое. Ты да я, да мы с тобой.

— Темнишь, ларгí?

— Детка, чего ты ломаешься?

— Я?

Ну да, подумал Боров. Она не ломается. Она не верит.

— Извини, детка. Это я так, по привычке.

Мирра скорчила потешную гримасу:

— По привычке? Ты давай, выкладывай. Какие у тебя еще есть привычки? Хотелось бы узнать до свадьбы, а то после хлопот не оберешься!

— Расчленёнка, — глупо пошутил Боров. — Ещё моюсь редко.

— Чепуха! Я тебя вымою, золотце. С мыльцем, с шампусиком. Я тебе такую головомойку устрою — закачаешься! И расчленюсь, если что. Ручки сюда, ножки туда, головку отдельно. Потрошки на супчик! Любишь супчик с потрошками?

Болтливая, отметил Боров. Щебечет. Ладно, привыкну.

— Спим в отдельной каюте, — он налил Мирре вина. — Работаешь полсмены, больше не надо. Я бы совсем освободил тебя от работы, но ребята не поймут. Станут задавать вопросы, дойдет до капитана. Оно нам надо?

— Не надо, — согласилась Мирра.

— По прилету выгружаемся, дня три сидим на станции. Я нахожу тебе подходящего телепата...

— Кого?!

Вино попало Мирре в дыхательное горло. Из глаз брамайни брызнули слёзы, девушка зашлась кашлем.

— Телепата.

— Что значит: подходящего?!

— Молодого. Ну, они там все молодые, других не держат. Красивого. Если что, сама выберешь.

— И что он будет со мной делать?

— Мысли читать, — буркнул Боров. — У тебя же есть мысли?

— Есть одна.

— Вот её он и прочтёт. Детка, что ты обычно делаешь с красивым молодым парнем?

— А, так ты сутенёр...

Мирра успокоилась. Ситуация свернула в привычное русло — и тут же плеснула на берег кипящей волной:

— Я сутенёр?! — Боров побагровел. — Детка, я твой выигрышный билет! Слушай и не перебивай: мы находим тебе телепатика...

— Ну, находим.

— Ты идешь с ним на пару дней...

— Ну, иду. Мне шестьдесят процентов от заработка!

— Никакого заработка! Ты идешь с ним бесплатно. Не переживай, я всё компенсирую. Ты пьешь таблетки для зачатия...

— Что?!

— Таблетки, — Боров достал из кармана упаковку. — Для зачатия.

— Чьё производство? Борго? Хиззац?!

— Ларгитас.

— Ого! — Мирра присвистнула. — Хорошо, я обзавожусь ребёночком. Что дальше?

Официант принес лосося и барабульку. Расставив еду, он щелкнул пальцами — и откуда ни возьмись объявились вино с водкой. «Мама Акула» умела удивить клиентов. Мирре официант налил первой — на донце

бокала. Дождавшись, пока девушка попробует и кивнет, официант налил игристого до краев, так, что шапка пены чудом удержалась наверху.

Боров потянулся к графину и налил себе сам. И выпил сам, и по второй налил. Нервы что-то расшалились, да.

— Мы фиксируем зачатие, — сказал он, когда официант ушёл. — Это обязательное условие.

— Где мы его фиксируем?

— На станции прекрасный медблок. Он укомплектован квалифицированным персоналом. Детка, наша медицина — лучшая в Ойкумене.

— Ты сказал, три дня. За три дня мне никто не поставит точный диагноз.

— Двенадцать часов. Я выяснял: наши гинекологи определяют, есть зачатие или нет, через двенадцать часов после полового акта. В благоприятных случаях — через шесть часов с половиной. Зигота формируется, становится бластоцистой... Ты знаешь, что такое зигота?

— Нет.

— Я тоже. Так написано в инструкции к таблеткам. Короче, фиксируем и улетаем. Останавливаемся здесь, на Тилоне. Ты...

— Я высаживаюсь? Лапочка, ты псих. Ты хочешь продать моего ребеночка на органы? А, поняла! Ты хочешь шантажировать молоденького телепата! Мне шестьдесят процентов! Ну ладно, сорок...

— Никакого шантажа. Ты никуда не высаживаешься, ты остаешься на борту. Я обращаюсь к капитану с просьбой зарегистрировать наш брак...

Мирра кашляла долго, надсадно. Смуглое лицо девушки приобрело синюшный оттенок, из носа потекло. Боров даже забеспокоился. Еще задохнётся! Наверное, косточка в глотке застряла.

— Брак? — тихо спросила она, когда вновь обрела дар речи.

— Брак.

— Законный?

— Законный.

— Ты, небось, и колечко приготовил?

— Небось.

Сарказм вопроса обидел Борова. Он полез в карман и достал коробочку из красного бархата в виде сердца. Откинул крышку, показал Мирре тоненькое колечко белого золота. В розетке блеснул темно-синий сапфир.

— Сейчас не дам, — предупредил он. — Только на обратном пути: здесь, на Тилоне. После фиксации зачатия. Как моя жена, ты оформишь вид на жительство. Жить будешь на Ларгитасе, со мной, там же и родишь. Ребенка я усыновлю...

— Зачем?

— Ну да, конечно. Ты права, детка. Ребенок родится моим, по закону. Телепат не считается, он так, погулять вышел. От экспертизы мы откажемся. Они не могут, если без разрешения...

— Потом ты меня выгонишь?

— За кого ты меня держишь?! Мы будем жить долго и счастливо. Ты слыхала про антиса? Про первого ларгитасского антиса?

— Слыхала.

— Ты в курсе, что я, считай, его отец?

— Ты Сандерсон? Ты же говорил: Вандерхузен!

— Я Вандерхузен. Это я познакомил Гюнтера Сандерсона с Миррой Джутхани. Я их познакомил, а они сделали антиса. Мы с тобой сделаем второго. Я знаю рецепт, я им свечку держал! В каком-то смысле...

— Рецепт?

— Брамайни-автостопщица. Станция на Шадруване, рядом с Саркофагом. Случайная связь с телепатом. Поняла?

— И это всё?

— Нет, не всё. Ещё травка.

— Какая травка?

— Неважно. Ты куришь?

— Курю.

— Вот и покуришь перед сексом. Я тебе сверну косячок, ты и покуришь. Ты вообще понимаешь, как тебя назовут? Мать второго ларгитасского антиса! А если первого не поймут, наш сын выбьется в первые. Да мы утонем в деньгах! Лосось на завтрак, устрицы на обед! Ты откуда родом, с Чайтры?

— Нет, с Пхальгуны.

— На Пхальгуне тебе памятник поставят. И на Чайтре поставят. В ножки поклонятся, лишь бы ты вернулась. А мы им: накось выкуси! А мы на Ларгитасе, на всем готовеньком! Антисовы папа с мамой, понимать надо! Детка, ну что ты ломаешься?

— Я?

Мирра встала. На глазах девушки блестели слёзы.

— Ноги буду мыть, — твердо произнесла она. Взгляд её прояснился: взгляд истинно верующей, обращенный на Мать Шриджу, божество удачи. — Ноги тебе буду мыть и воду пить. Если сделаешь, как сказал, я на тебя молиться стану.

— Вина! — заорал Боров. — Еще вина! И водки.

Никогда он не был так счастлив, как сейчас.

Часть первая

**Три планеты, не считая
четвертой**

Глава первая

**Со всем подобающим почтением, или С
мёртвых спрос невелик**

I. Чайтра

Вызов настиг Бхимасену в самый неподходящий момент.

Утонув в вытертом бархате любимого кресла, генерал запустил на визоре спортивный канал и отключился от презренного тварного мира столь качественно, что иным йогинам стоило бы поучиться у него медитации. В правой руке — бокал кокосового бренди двенадцатилетней выдержки. В левой — ароматная сигара «Гуркха». Курил генерал редко, но в сигарах толк знал.

Сизыми облаками дым уплывал к вентиляционным решёткам.

Ойкумена — растревоженное осиное гнездо. Чайтра — котёл, булькающий на огне. Космос — театр военных действий. Карусель боевых флотов: Брамайнское Содружество, Ларгитас, Великая Помпилия. Секретариат Совета Безопасности Лиги — помойная яма. Как из каскадного излучателя, в секретариат СБЛ всаживались официальные заявления и ноты протеста, одно за другим. Тучи сгущались, недвусмысленно громыхая. Разряды молний сверкали всё ближе...

Но какое значение это имело в данный момент?

Сегодня транслировался финал планетарного чемпионата по Калари-паятту. Ярый поклонник древнего боевого искусства, генерал не собирался его пропускать. Пусть хоть вся Ойкумена накроется чёрным тазом или медной дырой! — так говорил его восьмилетний внук, путая эпитеты. В юности Бхимасена увлекался Калари-паятту, но увывы — служба, годы, семья, дела... Он до сих пор втайне стыдился, что забросил тренировки — и рьяно болел за молодых спортсменов, словно пытался компенсировать этим

собственную измену истинно брамайнскому единоборству.

Двое жилистых бойцов в набедренных повязках — киноварь против малахита — уже вышли на утопанную арену храма Калари. Они начали сходиться, когда сквозь восторг зрителей и пафос комментатора до генерала, словно из иной вселенной, долетел голос жены:

— Рама, тебя вызывают!

Генерал еле слышно выругался.

— Рама, это срочно! Красным мигает. Ответишь?

Бхимасена и сам расслышал требовательное вибрато уникама. Сигнал набирал силу, пять-шесть секунд, и он накрыл собой весь дом. На кухне в панике задребезжала посуда. Срочно? Ничего подобного! Высший государственный приоритет. Вызов такого класса генерал получал третий раз в жизни. Первые два раза это не принесло ему ничего хорошего.

Тазом или дырой, финал накрылся. Потом можно посмотреть в записи, но...

— Генерал Бхимасена слушает!

Миг, и он вытянулся по стойке «смирно».

— Так точно! Вылетаю немедленно!

* * *

Аэромоб стремительно рухнул вниз. Если бы не компенсаторы инерции, генерала и пилота расплющило бы в лепёшку. Древние ремни безопасности, имейся они в машине, разрезали бы обоих пополам. С высоты белокаменная громада дворца походила на облако, спустившееся отдохнуть. Сверху облако золотили лучи жаркого чайтранского солнца. Падение, захватывающее дух, еле слышное подвывание антигравов, торможение — мгновенное, почти неощутимое — и дворец

Майясабха вознёсся, навис над головами во всём своём подавляющем великолепии.

Выпустив шесть колёс, аэромоб перешёл в наземный режим и мягко коснулся пластифицированного нанобетона. Последний километр он проехал по подъездной аллее: в зоне безопасности дворца любые полёты были запрещены. Нарушителей сжигали из плазматоров без предупреждения. Исключение делалось только для личного транспорта махараджи.

Покрытие светло-розового цвета: идеально ровное, чуть шершавое. Живая изгородь по обе стороны аллеи. Благоухание соцветий: белых, пурпурных, алых. Генерал всякий раз забывал название этого растительного гибрида, выведенного ботаниками Чайтры по указанию Аурангзеба XXII Справедливого. Кроме декоративных, гибрид обладал целым рядом свойств, которые не афишировались: полезных — или, напротив, вредных и опасных, это с какой стороны посмотреть. На середине пути ряды одинаковых, словно клонированных пальм — каждая семь метров в высоту, и ни на палец выше — сменились рядами семиметровых араукарий-близнецов. Приближались арки и нефы, колонны и скульптуры, барельефы и резные панели стен. Бхимасена ясно видел их: крыша аэромоба была прозрачной. Генерал нервничал. За одно посещение Майясабхи, памятника архитектуры и зодчества, чуда из чудес Ойкумены, иной турист продал бы душу. Генерала красота дворца не успокаивала ни в малейшей степени. Он бы с удовольствием уступил своё место идиоту-туристу.

Караул замер у входа, следя, как гость поднимается по широким ступеням: муха на пхальгунском белом мраморе. Поправляя тюрбан, генерал украдкой скосил глаз на часовой браслет, вытатуированный на запястье. До назначенной ему аудиенции оставалось шесть с половиной минут. Генерал очень надеялся, что его ждёт

сопровождающий, что шести минут им хватит, чтобы пройти (пробежать?!) по лабиринтам дворца до тронного зала махараджи.

Опоздал? Бросить его под ноги слонам!

Почистить зубы и воспользоваться дезодорантом он не успел. Явиться к махарадже, благоухая перегаром бренди и табака? Определённо не лучшая идея. Но заставить махараджу ждать — идея и вовсе самоубийственная.

— Генерал? Следуйте за мной.

Субедар-майор дворцовой стражи вёл его бесконечными коридорами. Мрамор, яшма, лазурит. Золочёные светильники холодной плазмы. Бхимасена почти физически ощущал, как утекает время его жизни. Металлодетектор. Четыре проверки личности: папиллярный идентификатор, сканирование сетчатки, комплексная антропометрия, блиц-анализ потожировых.

— Его величество ждёт вас.

Ждет, вздрогнул генерал. Ждёт?! Земля мне пухом!

— Вы проводите меня в зал?

— Нет.

Высокие двери распахнулись перед ним.

Тронный зал украшали орнаменты и мозаика благородных коричневых тонов. Панели были инкрустированы кусочками зеркал, создавая эффект звёздного неба. В нишах журчали искусственные водопады, стекая по рифлёным стенам. Двадцатиметровая ковровая дорожка цвета венозной крови, с золотой каймой по краям, упиралась в возвышение, на котором стоял трон. Шагая по дорожке, Бхимасена знал, что находится под прицелом десятков камер и сканеров — и доброй дюжины стволов в руках лучших снайперов Чайтры. Шестерка гвардейцев личной стражи махараджи замерла вдоль стен. Их вполне можно было принять за искусно раскрашенные

статуи. Меж гвардейцами стояли придворные со знаками царской власти: опахала из буйволовых хвостов, луки, мечи и желтые зонтики.

Три шага до подножья трона.

— Ваше величество! — Бхимасена опустился на колени, коснулся лбом ковра. — Генерал Бхимасена по вашему повелению прибыл.

Пауза. Тишина.

— Встаньте, генерал.

Встав перед троном навтыяжку, он осмелился взглянуть на повелителя всех брамайнских миров. Этикет это позволял, если не смотреть в упор. Махараджу генерал видел лишь однажды — когда ему, в числе других офицеров миротворческого контингента брамайнских ВКС, вручали Орден Благих Дел I степени за операцию на Астлантиде. Тогда махараджа предстал перед отличившимися офицерами в парадном мундире верховного главнокомандующего. Сегодня Аурангзев XXII облачился в голубой шёлк. Золотой пояс блестел кровью рубинов. В центре чалмы, прямо надо лбом махараджи, ослепительно сиял знаменитый бриллиант Раджеш.

Лицо владыки приводило в трепет. Жёсткие скулы и подбородок, крючковатый нос. Тонкая полоска усов, брови сведены к переносице. Серо-стальные глаза глубоко запали. Бхимасена был не робкого десятка, но от взгляда махараджи его пробрал озноб.

— Мы вами недовольны, генерал, — дрогнули сухие губы.

Бхимасена молчал. Говорить ему не разрешили.

— Ваша операция с треском провалилась! Мало того, что мы не получили нашего антиса, теперь нам даже неизвестно, где он. Совет духовных лидеров прислал нам закрытое письмо. *Пока* закрытое, — махараджа отчётливо выделил слово «пока». — Ознакомьтесь, генерал.

В воздухе возникла сплюснутая голосфера. Поползли строки текста:

«Со всем подобающим почтением и заботясь исключительно о благе и процветании расы Брамайн, Совет духовных лидеров доводит до Вашего высочайшего сведения:

1. Как нам стало известно из заслуживающих доверия источников, юный брамайнский антис Натху Джутхани, аватара божественного Марути, был уведён с Ларгитаса в неизвестном направлении двумя неопознанными антисами, чьи волновые слепки отсутствуют в атласе Шмеера-Полански.

2. Нынешнее местонахождение Натху Джутхани неизвестно.

3. Ни ВКС Брамайнского Содружества, ни наши антисы не смогли — или не захотели помешать этому повторному похищению. Более того, никто даже не попытался следовать за Натху и его конвоирами, чтобы выяснить, куда они направляются. Гибель наших собратьев в ходе случившегося военного столкновения оказалась бессмысленной и напрасной.

4. Судя по имеющимся у нас сведениям, можно с большой степенью вероятности утверждать, что исследования техноложцев Ларгитаса увенчались успехом, и созданные ими антисы отконвоировали Натху Джутхани в неизвестном направлении, чтобы помешать его возвращению на родину.

5. Совет духовных лидеров глубоко опечален как всеми этими фактами, так и полным бездействием светской власти.

6. Совет духовных лидеров настоятельно рекомендует предпринять незамедлительные и самые решительные меры:

а) По скорейшему выяснению методики, с помощью которой техноложцам Ларгитаса удалось создать своих

антисов, дабы использовать это бесценное духовное знание во благо расы Брамайн;

б) По скорейшему обнаружению и возвращению на родину Натху Джутхани.

7. Совет духовных лидеров хорошо понимает, что способы достижения этих целей могут быть самыми различными: от широкомасштабного военного конфликта до переговоров и мирного сотрудничества. Любой из способов, который приведёт в итоге к нужному результату, будет признан Советом духовных лидеров приемлемым и оправданным.

8. Совет духовных лидеров хорошо понимает, что обнародование вышеприведенных сведений было бы сейчас преждевременным. Однако никакую тайну невозможно хранить вечно. Если в самое ближайшее время не будут предприняты решительные и результативные меры по вышеназванным пунктам, утечка информации станет весьма вероятной, что может привести к нежелательным народным волнениям и иным потрясениям. Совет духовных лидеров не только стремится к духовному развитию расы Брамайн, но и желает процветания и стабильности всем мирам Брамайнского Содружества. Именно поэтому мы считаем своим долгом предупредить светские власти и Ваше Величество лично о возможных нежелательных последствиях промедления в этом исключительно важном деле.»

Над подписями стояла голографическая печать СДЛ: хорошо знакомое каждому брамайну стилизованное изображение чакры-глаза на фоне звёздного неба, каким его можно видеть с экватора Чайтры.

Подтекст послания был ясен даже не искущённому в иносказаниях генералу. «СДЛ не потерпит святотатства и оскорблений от техноложцев. Как власти допустили, что великое духовное знание, по праву принадлежащее

брамайнам, оказалось в распоряжении грязных ларгí?! Если власти Содружества и махараджа лично неспособны к решительным действиям, священный гнев брамайнского народа всегда к услугам Совета духовных лидеров. Нынешние власти обленились? Найдутся другие мантрины, а то и другой махараджа — те, что станут более чутко прислушиваться к чаяниям народа.»

На Аурангзеба XXII Справедливого за последние семь лет покушались дважды. Кто поручится, что в третий раз заговорщикам не улыбнется удача? Зона безопасности, охранные системы, личная стража — ничто не поможет, если удар будет нанесён из ближайшего окружения правителя.

— Мы великодушны, генерал. Мы даём вам ещё один шанс.

Бхимасена пал на колени.

— Мы не требуем от вас невозможного. Нас интересует результат. Скорейший результат! Ситуацией с Ларгитасом и их *предполагаемыми* антисаами, — махараджа сделал акцент на слове «предполагаемыми», — займутся другие. Ваше дело — Натху. Найдите его! И поторопитесь.

Генерал ударил лбом о ковёр.

Ну конечно, владыка не требует невозможного! Всего лишь надо отыскать пропавшего антиса на просторах Ойкумены. Раз плюнуть! Вы ведь руководите антическим центром, генерал? Значит, эта работа для вас!

— Вы всё поняли?

Это было разрешение говорить.

— Так точно, мой повелитель! Благодарю за высочайшее доверие. Будет ли мне позволено задать вопрос?

— Вам это позволено.

— Каким образом Совет духовных лидеров получил столь оперативную информацию о провале операции?

— Серьги, генерал.

— Серьги?

— Кое-кто из духовных лидеров сведущ в политике. Наши гуру, да продлятся их дни, меняют знаки посвящения на ряд полезных услуг от молодых офицеров. Серьги йогина, благословения, священные шнурки. Это очень хороший товар, если покупатель молод, глуп и честолюбив. И это очень хорошие офицеры, они не медлят с докладом. Если надо, они не ждут милости от богов, а пользуются гиперсвязью.

— Я не понял...

— И не надо. Действуйте!

Взмахом руки махараджа завершил аудиенцию.

Стараясь не кряхтеть, Бхимасена встал и попятился к выходу. Генеральская спина была мокрой от пота. Слоны откладывались, но вряд ли надолго.

II. Саркофаг

— Извините, вы модификант?

— Нет, я *под шелухой*.

Разговор напоминал беседу умалишённых. Человек, задавший вопрос — жилистый, загорелый мужчина — изобразил лицом удивление. Мимике ларгитасского посла позавидовал бы иной актёр. Не знай Гюнтер, сколько лет Николасу Зоммерфельду, он с равным успехом мог бы дать ему и шестьдесят, и все семьдесят пять — в зависимости от выражения лица и угла освещения.

Ровесник своей жены, доктора Ван Фрассен, Зоммерфельд в этом году отметил пятьдесят седьмой день рождения. Чепуха по меркам Ойкумены, в особенности — Ларгитаса, но выглядел посол скверно. Кожа обветрилась, покрылась морщинами, худоба граничит с измождением. Шаровары зелёного шёлка, рубаха подпоясана кушаком, жилет с вышивкой, колпак с меховой оторочкой — при сабле и кинжале, Зоммерфельд походил не на дипломата высокого ранга, а на бандита из костюмного исторического фильма.

Левую руку, затянутую в перчатку из тонкой кожи, он держал скованно. Повреждение нерва? Тогда зачем ему и сабля, и кинжал?

— *Под шелухой?* Что вы имеете в виду?

— Я — ментал. *Эмпакт*. Это значит...

— Эмпат активный. Я знаю, что это значит. Моя жена — ментал. Универсал высшей квалификации.

— Да, конечно. Я — кавалер пси-медицины.

— Диссертация?

— Готовлю баронскую...

Напротив стояло высокое зеркало в резной раме: золочёные переплетения листьев и виноградных лоз.

Гюнтер взглянул на себя и чуть язык не проглотил. В зеркале отражался кавалер пси-медицины, гражданин просвещённого Ларгитаса: рогатый, мохноногий, парнокопытный. Козёл козлом. Кем еще мог счесть его посол, кроме как модификантом?

— Увы, — Гюнтер развел руками. Уши полыхали двумя кострами. — Таков мой облик в галлюцинаторном комплексе, он же вторичный эффект...

— Спасибо, я в курсе.

— Короче, в нём я сейчас и нахожусь. Собственно, мы все в нём находимся.

— В вашем галлюцинаторном комплексе?

— Не в моём! — подступило раздражение. Гюнтер еле сдержался, чтобы не нахамить послу. — В нашем общем. На изнанке бытия, если угодно. Разве госпожа Ван Фрассен вам не говорила?

Посол кивнул:

— Говорила. Но это всего лишь её гипотеза.

— Считайте, что гипотеза госпожи Ван Фрассен полностью подтвердилась.

— И как же тогда выглядит...

Зоммерфельд на миг замялся, подбирая слова:

— Как выглядит в обычной реальности *он*?

Посол указал на подпиравшего стену мрачного Натху. Макушка юного антиса на восемь сантиметров не доставала до потолка комнаты. Булава занимала весь угол целиком.

— В обычной реальности он мальчик четырёх лет.

В путаницу с возрастом сына Гюнтер решил не вдаваться. Зоммерфельд всё равно ему не верил, так какая разница?

— А он?

Указать на брамайна, невозмутимо восседавшего в углу, посол не решился. Лишь красноречиво посмотрел в его сторону.

— Мудрые разговаривают без посредников, — сообщил Горакша-натх, делая вид, что не имеет в виду никого конкретно. — На другой грани вселенской иллюзии мой облик не слишком отличается от здешнего. Разумеется, я не ношу на поясе кобру, а на плечах — шкуру. Но в целом...

Кобра зашипела на посла: чего уставился? Аскетов не видел?

— Но почему тогда все мы, — шипение кобры Зоммерфельд проигнорировал, — я, моя жена, сотрудники посольства, местные... Почему мы выглядим как обычно? Если мы находимся в галлюцинаторном комплексе, как вы утверждаете?

Гюнтер вздохнул:

— Это долгая история, господин посол. Объяснения потребуют времени. Желаете, чтобы я всё рассказал вам прямо сейчас? Или подождем, когда соберутся все?

— Вы правы, не стоит повторяться. Подождём остальных. А сейчас извините, вынужден вас оставить. У меня есть обязанности. Пожалуйста, не покидайте этой комнаты до моего возвращения.

— Мы под арестом?

— Ни в коем случае. Это моя просьба, и она касается вашей безопасности. Дверь не заперта, ваша свобода при вас. Еду вам принесут сюда. Санузел за той дверью.

Посол вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Щелчка не последовало: похоже, гостей и правда не заперли. Гюнтер откинулся на спинку продавленного кресла. Кресло встало на задние ножки, молодой человек чуть не упал на спину. Восстановив равновесие, он обвёл взглядом комнату. И это — посольство Ларгитаса, богатого и просвещённого? Драпировка стен — варварская роскошь! — выцвела, полиняла, а кое-где и протёрлась. Кресла знавали лучшие времена. Дверь скрипит. Ни визор-центра, ни узла связи, ни пультов управления светом, климатизатором, прозрачностью

окон. Может, это они туземцев берегут, а? От цивилизационного шока?!

О цивилизационном шоке Гюнтер читал. Хорошо, туземцы. Но ведь в здании живут ларгитасцы! В запустении, упадке! От Ойкумены их отрезали, куча времени прошла, но порядок-то поддерживать можно? Аккуратист от природы, кавалер Сандерсон отказывался принять такое положение вещей.

— Хватики. Их хотят съесть?

После драки, закончившейся знакомством, Натху впервые подал голос. В голосе мальчика звучало беспокойство. Гюнтер расслышал и угрозу: «Пусть только попробуют!»

— Что за ерунда? — изумился Гюнтер. — Никто не станет есть твоих хватиков!

Натху промолчал, но было видно: мальчик не слишком доверяет гарантиям отца. Потянувшись и хрустнув могучими плечами, он направился к окну. Сгорбился, опёрся о подоконник. Кресло жалобно застонало, когда Гюнтер выбрался из него и встал рядом с сыном. Кончики рогов едва доставали до плеча Натху.

Растут дети, да.

С той стороны окна на кавалера Сандерсона смотрел город. Здания, украшенные резьбой и барельефами. Плоские крыши. Ажурные арки мостов. Выветрившиеся скульптуры: львы держали в пасти человеческие головы, кони пытались взлететь. Далёкие башни, купола: храмы? дворцы? Фонтан на площади не работал. Всё, как и посольство, носило на себе следы упадка и запустения, всё было изгрызено зубами разрухи. Обшарпанные стены, штукатурка местами обвалилась, часть барельефов сколота. Мутные бельма давно не мытых окон. Гниёт палая листва. Ветер гонит по брусчатке грязные обрывки. Кожа? бумага? ткань? Людей не было, а те, что изредка появлялись, спешили

шмыгнуть в какой-нибудь переулок. Гюнтер толком не успевал их рассмотреть.

Госпожа Ван Фрассен, мысленно воззвал Гюнтер. Что здесь у вас происходит? Он смотрел из окна на город, пыльный и безрадостный, а видел пустыню, руины, химеру с тремя телами. Видел огненного человека и женщину с флейтой.

* * *

— Гюнтер Сандерсон? Это действительно вы?

Со второй попытки Регине Ван Фрассен удалось подобрать флейту. Женщина сжала её в руках так, словно это было последнее сокровище, которое у неё собирались отнять.

— Да, госпожа Ван Фрассен. Извините, я сегодня плохо выгляжу.

Губы женщины тронула улыбка: сухая, нервная. Время, проведенное под Саркофагом, не пощадило Регину. Гюнтер помнил её по той последней встрече, да ещё по снимкам, которые, бывало, разглядывал, мучаясь бессонницей, не в силах избавиться от нервного напряжения после рабочего дня. Да, она должна была постареть за эти годы, но не так же! Тонкие руки флейтистки загрубели под солнцем неприветливого мира. Лицо изрезали морщинки — мелкие, как следы песчаных бурь на выветренном камне. Некогда каштановые, а ныне пепельные волосы были коротко острижены и убраны под круглую, расшитую бисером шапочку. Длинный, до колен, жакет блестел тёмным малахитом. Лиловые мужские шаровары заправлены в сапоги из мягкой кожи. На поясе — длинный прямой кинжал в ножнах, украшенных серебром.

— Значит, я всё-таки была права!

— Простите, вы о чём?